

Петербург как азиатский город

Мазур-Матусевич Е.

Аннотация: У утопии и архитектуры есть общее: и та, и другая форма творчества стремится сформировать социальное пространство в соответствии с неким идеалом. Это нигде так не очевидно, как в Петербурге, где архитектура является воплощением петровского замысла. Утопическая природа Петербурга давно стала общим местом, но обсуждалась до сих пор безотносительно какой-то определенной утопической модели или моделей. В основе данной статьи гипотеза, согласно которой природа Петербурга, возможно, имеет некоторое отношение к утопическим концепциям Платона и Томаса Мора в передаче и восприятии политической мысли Нового времени, и в частности Гильберта Бернета и Вильгельма Лейбница.

Ключевые слова: утопия, модель, Петербург, Платон, Томас Мор, Петр I, деспотия, монарх, государственная машина, симулякр.

St.-Petersburg as an Asian City

Abstract: Utopian thought and architectural planning have something in common: both strive to form social space according to certain ideal. This is nowhere as evident as in St.Petersburg whose architecture is the realization of Peter the Great's vision. St. Petersburg's utopian nature has long become a common place without, however, being linked to any particular utopian model or models. This essay presents a hypothesis, according to which St. Petersburg's nature might be related to the utopian conceptions of Plato and Thomas More transmitted through the political thought of the early modern statesmen Gilbert Burnet and Gottfried Wilhelm von Leibniz.

Keywords: apophatic philosophy, semiotic, description, Lvov-Warsaw School, theory of judgement.

Город пышный. Город бедный.

Дух неволи. Стройный вид.

Свод небес зелёнобледный.

Скука, холод и гранит.

В основе данного эссе лежит гипотеза, согласно которой природа Петербурга, возможно, имеет некоторое отношение к утопическим концепциям Платона и Томаса

Мора в передаче и восприятии политической мысли Нового времени¹. Во всяком случае, утопические идеи Платона и Мора являются знаками, входящими в петровский замысел². Эта, на первый взгляд, неправдоподобная связь архитектурно-ландшафтного феномена Петербурга с литературно-философскими утопиями касается одного из самых важных компонентов идеального государства Платона: идеи общества как государственной машины. Этот аспект Платоновой мысли был сформулирован знаменитым философом, теоретиком архитектуры и градостроения Луисом Мамфордом (Lewis Mumford, 1895-1990) в его блестящей работе “Утопия, Город и Машина”³. Основываясь на анализе четырех диалогов Платона, *Тимей*, *Критий*, *Полития* (Πολιτεία, *Государство* в российских, и *Respublica* в западных источниках) и *Законы*, и видя в них развитие одних и тех же идей, Мамфорд пришел к оригинальному выводу, что социальная модель Платона ориентирована не на будущее, как это принято считать, а на прошлое. Мамфорд также считал, что прототипом утопий, описанных Платоном в *Политии* и диалогах об Атлантиде, является не греческий полис, и даже не Спарта, а древнеазиатские деспотии египетского или месопотамского образца. Так, блестящее и увлеченное описание империи Атлантиды, как «удивительного по величине и могуществу царства», вполне подходит к Египту фараонов. Мамфорд полагал, что Платон, раздосадованный после Пелопоннесских войн, в которых греческий полис, вечно подвижный и потому нестабильный, показал свою уязвимость для врагов, ностальгировал по непререкаемому порядку и жесткой организации древнеегипетского или древнемесопотамского города, ибо “весь порядок и каждодневная дисциплина идеального государства Платона служат одной единственной цели: готовности к ведению войны [...]”⁴ Более того, военная агрессия оказывается «темным, скрытым лицом (dark hidden face) идеального города». Мамфорд заключает, что в утопической мысли Платона история и философия соприкасаются, сливаясь в одно: «Утопия была когда-то историческим фактом и стала

---

¹ Первая версия данной статьи вышла декабре 2012 года в журнале *Cross Currents* в Нью-Йорке.

² Утопическая природа северной столицы давно стала общим местом. Еще Достоевский называл Петербург “самым умышленным”, то есть искусственным, русским городом. Рассуждения об утопичности петербургского проекта носят, однако, общий характер, упоминаемый безотносительно какой-то определенной утопической модели. Так, исследователи Н.Л.Быстров и И.Г.Полякова замечают, что “Петербург – *утопия*, город, по замыслу, идеальный, а по воплощению искусственный. Как всякая утопия, он лишен истории или, точнее, его история есть “ускоренно пройденная история Запада.” (Быстров Н.Л., Полякова И.Г. Петербург как утопия : философско-семиотический этюд // Известия Уральского государственного университета. 2004. 29. P. 43-51.

³ Mumford Louis. *Utopia, the City and the Machine* // *Utopias and Utopian Thought* / ed. Frank E. Manuel, Boston: The Riverside Press Cambridge, 1966 P. 3-25.

⁴ “Already Plato was nostalgic of the archaic Egyptian or Mesopotamian, city’s order and organization. The constitution and daily discipline of Plato’s ideal commonwealth converge to a single end: fitness for making war” (ibid. P. 6). Перевод всюду мой.

возможна через регламентацию труда в тоталитарном механизме, жесткие аспекты которого были смягчены множеством привлекательных качеств самого [древнего] города, достигшего высот во всех возможных сферах человеческой деятельности. Через всю последующую историю образ такого города оставался в человеческом воображении как самое близкое приближение к раю, на которое можно уповать на земле». ⁵

Хотя Мамфорд только вскользь касается «древневосточного элемента» в описании Атлантиды, для этой ассоциации достаточно оснований. Так, в отличие от государства, описанного им в *Политии*, Платон настаивает на конкретной географии и историческом существовании Атлантиды — государства прошлого. К тому же Атлантида противопоставляется Афинам, то есть Европе, а, значит, ассоциируется с Востоком. Описание Атлантиды как круглого, кольцевого города, прорезанного каналами, совпадает с известными Платону описаниями городов древнего Востока. Кроме того, как отмечает и Мамфорд, Платон сам развивает «египетскую версию» Атлантиды, утверждая, что рассказ о прекрасном острове был передан ему греческим мудрецом Солоном, посетившим Египет, где ему поведал об Атлантиде египетский жрец. Платон также настаивает, что сведения об Атлантиде хранятся в египетских папирусах. Принято считать, что Платон и сам бывал в Египте, который произвел на него огромное впечатление. В любом случае получается, что Платон мечтал об идеальном государстве как государстве не просто сильном, но силовом, а свои мысли вложил в уста египетского жреца. Именно через Платона классические элементы древнеазиатской деспотии навсегда входят в концепцию городской утопии: всегда географически изолированной, жестко организованной, построенной по единому плану, неподвижной и подчиняющейся непререкаемому авторитету правящей верхушки. В сущности, если вдуматься, эта связь лежала на поверхности: ведь всякая сакральная деспотия рождается как утопия, ибо деспотия стремится построить, то есть дать физическое и социальное бытие, некоему единому и единственному, а, значит, тотальному и тоталитарному, высшему смыслу. Как сказал Мамфорд, «все идеальные модели обладают общим жизнеотрицающим свойством, и поэтому нет ничего более фатального для человеческого общества, чем воплотить свои идеалы» ⁶.

Древневосточное государство имеет вполне конкретные и хорошо известные характеристики, перечень которых как раз и вызвал изначальную, казавшуюся столь

---

⁵ “Utopia was once indeed a historic fact and became possible ... through the regimentation of labor in a totalitarian mechanism, whose rigors were softened by the many captivating qualities of the city, which raised the signs on all possible human achievement. Through the greater part of history it was the image of the city that lingered in the human imagination as the closest approach to paradise that one might hope for on earth” (ibid. P. 18)

⁶ “All ideal models have the same life-arresting property: hence nothing could be more fatal to human society than to achieve its ideals” (ibid. P. 11).

маловероятной, ассоциацию с Петербургом. Однако дальнейший анализ доводов Мамфорда, в их приложении к утопическим моделям Платона и Мора, постепенно делал эту ассоциацию не столь уж невозможной. Итак, вот эти признаки. На Древнем Востоке город являлся созданием одного владыки, по знаменитому выражению Ролана Мартена (Roland Martin) «un fait de prince» — «творением царствующей особы». Первым зданием в древнеазиатском городе, а также его центром, всегда является сакральное строение, освящающее власть властелина-основателя города: «Самым первым действием восточного владыки, самым ключом к его авторитету и власти является возведение храма, окруженного стенами»⁷. Такой город становится не просто торговым и административным центром, постепенно развившимся из первичного поселения, и даже не столицей государства, но его символом. Тут важно понять качественную разницу между использованием символов, что всегда было частью любой культуры, и символичностью как цели основания города-знака. Всякий сакральный символ претендует на вечность. Как вневременный и невременный сакральный конструкт, город-символ не может и не должен меняться. Символическая природа такого города требует к себе особого отношения и особым образом формирует сознание своих жителей: здесь не город существует для людей, а они для него. Для поддержания преемственности сакрально-деспотического государства-символа необходим сильнейший центральный контроль и жесточайшее господство социального над психическим, в чем и заключается природа власти.⁸ В таком государстве, кроме фараона, царя, владыки, все остальные, от главного архитектора до последнего нищего — холопы. Необходимым условием поддержания гигантской машины, которой является древнеазиатский город, является полное подчинение всякой личной автономии, кроме царской, единой цели коллективного могущества. Такое мироустройство, однако, ни в коем случае не мешает, а, наоборот, способствует превращению древнеазиатского города-символа в монументальное произведение искусства. Более того, именно такая, сакрально-деспотическая организация дела одна и может обеспечить поражающие воображение темпы строительства, размах, грандиозность замысла и единство стиля архитектурного комплекса, который представляет из себя древнеазиатский город. Отдельным, пусть и очень богатым, свободным гражданам сие не под силу, да и не по вкусу. Могут быть отдельные роскошные дворцы, особняки, виллы, но не «симфония в камне». Более того, эстетически выраженное могущество государства служит его дальнейшему укреплению, ибо наполняет гордостью не только владык, но и, ничуть не в меньшей, если не в

---

⁷ “The king’s first act, the very key for his authority and potency, is the erection of a temple within a heavily walled enclosure” (ibid. P.12).

⁸ См. об этом: *Смирнов И.П.* Бытие и творчество. СПб., 1989; idem. *Sein und Schaffen*. Marburg: Blaue Hörner Verlag, 1990. P. 68.

большей степени, их холопов. Такое сочетание деспотии и красоты исключительно долговечно и стабильно, ибо внешнее совершенство форм, гордость за свою державу, трепет и восхищение, внушаемые ею соседям и врагам, заставляют холопов в большей степени, чем примитивный страх, не только смириться со своей участью, но даже принимать активное участие в поддержании и восхвалении эстетически оформленной государственной или, как ее также называет Мамфорд, «невидимой» машины. Так, силы, превратившие никому до того неизвестное место в гигантское произведение искусства, создают себе этим самым тюрьму, в которой агенты властелина, его глаза и уши, из инженеров становятся ее охранниками⁹. Здесь храм, тюрьма, город, государство сливаются в одно эстетически гармоничное целое, становясь коллективным идолом. Достаточно посетить ассирийскую секцию Британского музея или знаменитые Вавилонские ворота Пергамского музея в Берлине, чтобы это почувствовать. Раб счастлив отдать свою ничтожную жизнь во имя коллективного могущества тем легче, чем более внешне впечатляюща, гармонична, полна тайн и сакральных смыслов форма этого могущества. Чем вам не служение прекрасному?

Несколько измененно в *Политии* (во главе которой находится сословие воспитателей, а не династический владыка), и откровенно в Атлантиде (которой правят царевичи, потомки Клейто и Посейдона), те же принципы наблюдаются у Платона: ценой божественной утопии являются полное подчинение центральной власти, принудительный труд, односторонняя связь (от власти к массам без или с минимальной обратной связью), жесткая регламентация труда и жизни, постоянная готовность к войне. В таком государстве элемент статики резко превалирует над динамикой, что и обеспечивает поразительную стабильность, которую мы наблюдаем, скажем, на примере Древнего Египта. Ведь сакральный конструкт по определению развиваться не может. Идеальное государство, так же, как и древнеазиатская деспотия, — это всегда замкнутое на себя, самодостаточное образование, которое не способно и не заинтересовано в общении с другими государствами из-за неприятия самой идеи развития человеческой цивилизации. Ведь для идеального государства развитие — это повреждение, деградация, ибо это государство уже является идеалом. Так, в *Политии*, государство Платона космично и потому неизменно.

Все эти признаки присутствуют в Петербурге. Само основание города было актом войны со Швецией¹⁰. Город основан и отчасти спланирован по единоличной воле

---

⁹ “In other words, the disciplined forces that transformed the humble human community into a gigantic collective work of art turned into a prison in which the king’s agents, his eyes and hands, served as jailers” (*Mumford Louis. Utopia, the City and the Machine. P.17*).

¹⁰ «Петр Великий построил Петербург не столько ради русских, сколько, гораздо в большей степени, против шведов» (*Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Книга, 2008. Т. 2. С. 233*).

деспота как символ обожествленной государственной власти. Деспотия столицы бросалась в глаза уже его ранним посетителям. Так, Витторио Альфуери, приплывший в Петербург в конце XVIII в., насторожился и передумал входить в город, увидев пустынную, охраняемую набережную, и военный строй домов¹¹. Первым зданием в Петербурге была Петропавловская крепость, военно-сакральное сооружение, с самого начала своего существования использовавшаяся в качестве главной политической тюрьмы России. «Петербург — это армейский штаб, а не столица нации», - писал А. де Кюстин¹². О количестве человеческих жертвоприношений на алтарь будущего идеала красоты и гармонии русскоязычному читателю напоминать излишне¹³. Благодаря тотальной мобилизации человеческих и материальных ресурсов всей страны, Петербург стал гигантским произведением искусства, островом геометрии посреди океана коренной бесформенности или, по словам царя Петра, светом среди тьмы. Известно также, что Петр Великий относился к будущему городу как к воплощенному идеалу и называл свое детище не иначе как «парадизом» (раем). Создание города-символа, в котором не город служит людям, а люди городу, с самого начала являлось для Петра самоцелью¹⁴. Архитектурная утопия Петра как нельзя лучше иллюстрирует собой мнение Ницше, считавшего, что утопия всегда является маской, где под поклонением некоему идеалу всегда скрывается ненависть к существующей жизни¹⁵. Как и в случае с Платоном, искавшим альтернативу греческому полису, петербургская симфония в камне явилась воплощением ненависти Петра к старой России.

В *Утопии* Томаса Мора, где многие из общих признаков с Платоновой деспотической утопией: отсутствие динамики развития, географическая и политическая изолированность, жесткая социальная дисциплина и регламентация, также обращает на себя внимание ее особая связь именно с Атлантидой¹⁶. Так, Платон сообщает, что правители «Атлантиды ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ». Точно такое же отношение к золоту

¹¹ Бибихин В.В. Введение в философию права. М., 2005. С. 66.

¹² Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 247.

¹³ «Если мерить великие цели количеством жертв, то нации этой, бесспорно, нельзя не предсказать господства над миром» (Там же. С. 375).

¹⁴ Маркиз де Кюстин говорил о Петербурге, что этот город с самого начала был построен для «несуществующего народа» (там же. С. 233).

¹⁵ “[...] moment de l’utopie ; on cache la haine de la vie sous l’adoration d’une idole” (*Mengue Philippe. Deleuze et la question de l’utopie*” // philippe.mengue@wanadoo.fr. P. 14.

¹⁶ Основополагающее и открыто заявленное в *Утопии* влияние идей Платона на Мора хорошо известно, изучено и не вызывает сомнений. См.: *Bejczy I. More's Utopia: The city of God on Earth?* // *Saeculum* 1995. 46. P. 17-30; *Baker-Smith D. The escape from the cave: Thomas More and the vision of Utopia* // *Dutch Quarterly Review of Anglo-American Letters*. 1985. 15. P. 150-151; *Corrigan K. The Function of the Ideal in Plato's 'Republic' and St. Thomas More's 'Utopia'* // *Moreana*. 1990. 27. P. 27-49; *Olin J. C. Interpreting Thomas More's Utopia*. Fordham University Press, 1989; *Logan G. M. The Meaning of More's Utopia*. Princeton University Press, 1983.

описывается Мором у утопийцев. Нельзя не заметить устойчивой ассоциации с морем, с морским происхождением. Атлантиду, по Платону, основал Посейдон, четыре изображения которого красуются также и в Северной столице. Государство Утопия построено на берегу моря (именно по морю достигает ее путешественник Рафаэль Гитлодей, Raphael Hythloday). Утопия так же, как и Атлантида, большой продолговатый остров. Конечно, увлекаясь ассоциациями, нельзя забывать, что Платон сам жил в морской стране, а Мор и вовсе на острове. Интересно, однако, что Утопия имеет форму плоского полумесяца, в то время как Атлантида описывается как остров с протяженной, плоской, и продолговатой равниной посередине. Общей чертой является также использование каналов в Утопии и Атлантиде, «острове по большей части прямолинейном, а там, где его форма нарушалась, её выправили, окопав со всех сторон каналом» (Платон. «Критий»). Последнее описание невольно напоминает о прямоугольном, «выправленном» и изрытом каналами Петербурге. Молодой, энергичный король-новатор Утоп мобилизовал все население окрестных земель на рытье каналов, отделивших идеальный город от материка, и сделавших, таким образом, из него остров. Элементы инженерии и агрессивного изменения, переименования природного ландшафта (каналы, искусственные гавани, насыпи, прорубание дорог в горах и т.д.), очень сильные в описании Атлантиды, еще усиливаются в модели Мора, которая, фактически, вся рукотворна. Утопия, как и Петербург, это город, «созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею»¹⁷. Именно так И.П.Смирнов определяет Петербург – как «островную, оторванную от национального пространства столицу – как “у-топос”»¹⁸. Здесь небезынтересно упомянуть одну лингвистическую теорию, также связывающую Утопию с Атлантидой. Ее автору, Аризью Сантосу (Arysio Santos), очевидно (it is obvious), что название «утопия» является ничем иным, как прямым переводом, иносказанием слова Atlantis. Греческое слово «атала» происходит из санскрита, где индоевропейский суффикс «а» означает отрицание, «не», а «тала» означает «земля», «почва». Следовательно, считает Сантос, слово Атлантида (Atlantis) может быть передано так же, как и слово «утопия» (u-topia), которое, как известно, означает «нигде»: «topos»-«место», и «u»-«не». Согласно этой теории, эти два слова являются ничем иным как лингвистическими кальками. Интересно заметить, что тогда получается, что название Атлантиды такое же двусмысленное или двойное, как и название Утопии, потому что «атала», как замечает и сам Сантос, может также означать «небесный столб», то есть врата рая, в то время как слово «utoria», кроме значения «земля нигде», может интерпретироваться и как «eutoria», то есть «хорошее, прекрасное место»¹⁹. Петр, как мы

¹⁷ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 321

¹⁸ Смирнов И.П. Бытие и творчество. Marburg, 1991. С. 91 и 104.

¹⁹ Santos A. Atlantis, the Lost Continent Finally Found. North Atlantic Books, 2011. P. 66.

помним, называл свое детище как раз «парадизом»²⁰. На этой амбивалентности играл и сам Мор. Прослеживаются и другие параллели между Атлантидой, Утопией и Петербургом. Первым правителем Атлантиды был Атлант, чьим именем и назван остров. У Мора короля-основателя звали Утоп (King Utopus), и он построил Утопию. Петр построил Петербург²¹. Основывать и называть города в честь себя вовсе не было в Европе обычным делом. Император Константин не основывал города, который впоследствии стал носить его имя. Он уже был. Прецедентом до XVIII в. является польский город Казимеж, основанный в 1335 г. польским королем Казимиром Великим²².

Но, может быть, все эти совпадения случайны? Ведь ни Платона, ни других древних философов царь Петр, скорее всего, не читал. Узнать же в точности, читал ли Петр книгу Томаса Мора тоже, скорее всего, не удастся²³. Можно, однако, с относительной уверенностью утверждать, что об идее государственной машины, а также, очень возможно, и о рукотворном прекрасном городе-острове, описанном в *Утопии*, на которую диалоги Платона оказали прямое и решающее влияние, Петр знал. Хорошо известно, что во время своего длительного пребывания в Лондоне в 1698 г., Петр коротко сошелся и практически не расставался с переводчиком *Утопии* на английский язык, первым английским историком Реформации, епископом Солсбери, Гильбертом Бернетом (Gilbert Burnet, 1643-1715). Согласно первоисточникам, Петр проводил в беседах с Бернетом иногда до четырех часов подряд, выказывая желание продолжать беседу и еще дольше²⁴. 19 марта 1698 г. в письме своему другу доктору Фоллу (Dr. Fall), Бернет писал, что молодой царь так привязался к нему, что практически не отпускает от себя²⁵. Венский

---

²⁰ Ibid. В своей сенсационной книге «Атлантида: потерянный континент найден» Сантос также пытался доказать, что остров находился как раз на востоке, в индийском океане. Историческое существование Атлантиды в данном случае для нас несущественно.

²¹ Официальная версия, что название было выбрано [Петром I](#) в честь святого [апостола Петра](#), ничего не меняет, потому что мотивация выбора самоочевидна.

²² В Индии, есть, правда, современник Петербурга розовый город Джайпур (Jaipur), основанный в 1727 г. в качестве новой столицы государства и лично спланированный махараджей Савай Джай Сингхом II (Maharaja Sawai Jai Singh II, годы правления 1699—1744), в честь которого назван город. Интересно, что Махараджа также лично заложил город и принимал непосредственное участие в его строительстве в соответствии с последними достижениями архитектуры. Джайпур построен по строгому геометрическому и прямоугольному плану и разделен на девять частей, в соответствии со знаками Зодиака. Несмотря на такое «космическое» сходство с моделью Платона, Джайпур тем не менее имеет мало общего с деспотической моделью древнего Востока. Из девяти прямоугольных «мандал» только две отводились под государственные здания: дворцовый комплекс и обсерваторию. В центре Джайпура, в отличие от Петербурга, находится рыночная площадь с двадцатью семью (9, умноженное на 3) торговыми лавками, напоминающими Гостиный Двор в Петербурге.

²³ “В первой половине XVIII в. отдельные ее [Утопии] экземпляры встречались в частных библиотеках некоторых сподвижников Петра I, получивших образование за границей.” См: *Осиновский И.Н.* Томас Мор и его Утопия (<http://www.marsexx.ru/utopia/utopia-mor-pred.html>)

²⁴ *Cracraft James.* The Church Reform of Peter the Great. Stanford University Press, 1971. P. 30.

²⁵ “Peter grows so fond of me that I can hardly get from him” (ibid.).

дипломат Иоганн Филипп Хоффман (Johann Philipp Hoffman) писал в своем шпионском рапорте, что Петр «особо отличал Бернета, проводя с ним долгие часы за обсуждением государственного устройства и вопросов морали»²⁶. По одним источникам, Бернет не нуждался в переводчике, так как Петр говорил на голландском, которым епископ также владел свободно, по другим, они беседовали через переводчиков. В то время как российские источники приписывают Петру знание многих европейских языков, западные историки считают, что царь хорошо знал голландский и, может быть, немного французский, но не более того. Правда может находиться где-то посередине. Словарного запаса Петра могло хватать на обычный разговор, но не на философскую беседу.

Учитывая направленность бесед Петра и Бернета (обсуждение наилучшего государственного устройства и вопросов морали), вероятность обсуждения *Utopia* ее английским переводчиком очень высока. Скорее, обратное было бы странным, ведь Бернет знал ее почти наизусть, а Томаса Мора считал не только образцом государственного человека и христианина, но и «одним из величайших англичан»²⁷. Бернет рассчитывал применить на практике свой опыт и влияние, считая приезд русского царя ниспосланным ему свыше шансом. Еще до приезда Петра Бернет провозглашал в проповеди, что так же, как царица Савская посетила Соломона, чтобы поучиться у него его мудрости, Северный Император, решивший преобразить свою империю, прибудет к английскому королю, чтобы научиться лучшим формам управления государством²⁸. Не один Бернет встретил весть о великом русском посольстве с энтузиазмом. Европейская одежда Петра I, его юность, энергия, отмечаемые всеми любознательность и жажда знаний, изменили представление о царе-тиране, господствовавшее в Европе в XVII в. Быстрота, с которой новости передавались в тот век, впечатляет и сейчас. Так, Бернет был заранее проинформирован об удивительном русском царе-новаторе через письма друзей, уверявших его, что в основе реформ Петр I лежат «исключительно рациональные планы»²⁹. К тому же, Петр, как было сказано выше, сам проявил живейший интерес и прилежание к их совместным занятиям. Вполне объяснимо поэтому, что англичанин представлял себя уже привычной ему роли советника, учителя государей, как это понималось в вековой европейской традиции *miroirs des princes*, мораль *Mumford Louis. Utopia, the City and the Machine* но-философских трактатов по воспитанию царствующих

²⁶ Ibid. P. 29-30.

²⁷ “This small volume, which I now publish, being writ[ten] by one of the greatest men this Island has produced...” (*Burnet G. The Preface to Utopia. London, 1684. P.12.*)

²⁸ *Cracraft James. The Church Reform of Peter the Great. P. 31-32.*

²⁹ *Гро Дитер. Россия и самосознание Европы (выдержки на русском языке из книги: Groh Dieter. Russland und das Selbstverständnis Europas. Luchterhand, Neuwied, 1961, см.: http://www.perspektivy.info/book/rossija_glazami_jevropy_2011-09-28. htm. Гро Дитер (Groh Dieter) – профессор истории университета Констанца (Германия).*

особ³⁰. Именно на этой традиции, но дополненной гуманизмом эпохи Возрождения, основывается и воспитательная миссия персонажа *Утопии*, философа Мора (Morus), который был лордом-канцлером при Генрихе VIII. Обсуждение возможностей и ограничений благотворного влияния такого советника-философа на государя является одной из центральных тем *Утопии*. Относящийся к этой же традиции дидактический трактат *Institutio principis christiani, О воспитании христианских принцев* Эразма Роттердамского, вышел в свет в том же 1516 году, что и *Утопия* Мора. На ту же традицию ориентировался и горячий поклонник Мора и переводчик *Утопии* Бернет, советник, с мнением которого считались короли. Он и сам оставит после себя объемистое назидание для сильных мира сего и всех тех, кто так или иначе вовлечен в процесс управления государством. Речь идет о его *Истории моего времени* (*History of My Own Time*), работу над которой он начал, интересная деталь, в те же годы, что и работу над переводом *Утопии*³¹. Думается, что сходность его личной ситуации с той, в которой находился Томас Мор во время написания *Утопии*, сыграла не последнюю роль в интересе Бернета к последней. Ведь персонаж *Утопии*, философ Мор, приходит в 1516 г. к малоутешительному выводу о невозможности для философа служить при дворе, оставаясь верным своим моральным принципам. А уже в 1518 г. сам Томас Мор примет фатальное для себя решение поступить ровно наоборот, приняв на себя обязанности секретаря и советника короля-реформатора Генриха VIII. Так и Бернет, оказавшись, в 1683-1684 гг. в немилости и изгнании на континенте, и вознамерившись совсем отойти от политики, в 1684 г. получает, находясь в Ультрехте, письма от принца и принцессы Уильяма и Мери Оранжских, с предложением стать их советником. Так же, как до него Мор, Бернет тоже примет, из соображений долга, приглашение на королевскую службу. Однако его отношения с властью сложатся совсем иначе, чем у Мора, и именно с этого времени начнется триумфальное восхождение Бернета, которое приведет его к тому высокому положению в Англии, в котором застанет его Петр. Такой поворот фортуны стал возможным в силу изменившихся исторических обстоятельств, приведших к новому пониманию монархии, которые сформулировал в своей книге Бернет: «Первым, самым главным и самым неотъемлемым правилом для короля является изучение интересов его народа, всегда быть осведомленным о них и всегда их преследовать; это создаст для него такую степень доверия, что он всегда будет в безопасности со своим народом, когда народ будет в безопасности в нем. Особая забота должна быть проявлена в назначении судей и епископов. Я соединяю их вместе: закон и религия, юстиция и набожность

³⁰ Из этой традиции наиболее известны: Фомы Аквинского *De Regimine Principum*, (13 век), Эгидия (Жиля) Римского *Speculum regis* (14 век) два трактата Вильяма Пагулы (William of Pagula) *Specula Regis* и, конечно, к тому времени Н.Макиавелли уже написал *О принцессе* (в русском переводе *О государе*) и др.

³¹ Имеется в виду: *Burnet Gilbert. History of His Own Time / ed. M. J. Routh. Oxford, 1823.*

являются опорой нации и придают силу и безопасность правительству. Однако величайшим и всеобъемлющим правилом всего этого является то, что король должен почитать себя призванным Всемогушим Богом в это высочайшее достоинство для того, чтобы совершить много добра и быть великим благословением человечеству, и, в некотором смысле, богом на земле³².

Можно себе представить, какое впечатление такого рода высказывания произвели на Петра. То, что Бернет высказывался именно в таком ключе, более, чем вероятно. Исследователь жизни и творчества Бернета, Джеймс Кракraft, утверждает, что углубленное изучение взглядов Бернета, представленных им в *Истории моего времени*, позволяет, до известной степени, воссоздать содержание его бесед с Петром: «Мы можем полагать, что в своих длинных беседах с Петром Бернет говорил то же самое и на те же темы, что и в своей *Истории*. Нет никаких оснований полагать, что в последние пятнадцать лет своей жизни его мысли об этих предметах претерпели существенные изменения³³.

Оказавшись в привычной, «морской», роли философа-советника государей, Бернет с энтузиазмом берется за перевоспитание царя-дикаря, пытаясь донести до юного Петра идею, прямо взятую из первой части *Утопии*, о всеобъемлющей ответственности и предназначении христианского монарха, как гаранта благополучия своих подданных. К тому времени *Утопия* не только не устарела, но продолжала оставаться одной из самых популярных книг в Европе³⁴. Для такой популярности, конечно, были причины. Будучи продуктом мышления Позднего Возрождения (середина XVI в. — 90-е годы XVI в.), когда в идеальном обществе хотели видеть сочетание идей почти обожествляемого гуманистами Платона с христианской моралью, книга Мора отвечала, как мы сказали бы сейчас, определенному социальному заказу. Именно христианская составляющая была кардинальным идеологическим и культурным отличием модели Мора от модели Платона³⁵, и именно к XVI - XVII вв. относит Луис Мамфорд первое «возвращение» платоновской идеи невидимой или государственной машины. «До XVI в., когда церковь

---

³² “The first, the most essential, and the most indispensable rule for a king is, to study the interest of the nation, to be ever in it, and to be always pursuing it; this will lay in for him such a degree of confidence that he will be ever safe with his people when they feel safe with him ... Great care ought to be taken in the nomination of judges and bishops. I join these together; for law and religion, justice and piety are the support of nations and give strength and security to governments ... But the great and comprehensive rule of all this, is that a king should consider himself as exalted by Almighty God into that high dignity as into a capacity of doing much good and of being a great blessing to mankind, and in some sort a god on earth” (Цит. по: *Cracraft James. The Church Reform of Peter the Great. P. 35*).

³³ *Cracraft James. The Church Reform of Peter the Great. P. 36*.

³⁴ Ее перевели на немецкий уже в 1524 г., на итальянский в 1548 г., на французский в 1550 г., и на голландский в 1553 г. О невероятной популярности «Утопии» Бернет говорит и в своем предисловии.

³⁵ Еще одним ярким примером такой ренессансной утопии является «Христианополь, или Описание республики Христианополь» Иоганна Валентина Андреэ, написанное в 1619 г.

и государство объединились в Англии в один всеобъемлющий источник высшей власти, основные условия для распространения Невидимой Машины [государства] отсутствовали»³⁶. Появление *Утопии* именно в Англии, таким образом, закономерно. Ко второй половине XVII в. сочетание невидимой машины национального государства с христианскими принципами породило христианские монархии Нового Времени, и прежде всего, английскую. Одним из инженеров этой монархии явился как раз Гильберт Бернет, сформулировавший свое государственное кредо так: «В чем заключается истина, вдохновляющая людей преследовать цель, положенную Божеством? В том, что это цель есть цель разумная. А истина, которая делает эту цель, то есть общественное благо или благополучие, разумной, заключается в том, что лучше, чтобы все были довольны. Если кто-то спросит, почему это лучше, я отвечу, что это самоочевидно»³⁷.

Вот эта самоочевидность и застит поначалу мудрому англичанину глаза: польщенный исключительным вниманием своего царственного ученика, Бернет полагал, что то, что самоочевидно для него, самоочевидно и для русского государя. Так, найдя, после бесед с царем, что Петр «более осведомленным в вопросах религии, чем я предполагал. Он внимательно читал Писание»³⁸, Бернет делает естественное для себя заключение, что государь будет, в силу своей христианской веры, заинтересован в реформах, направленных на улучшение морального облика своих подданных³⁹. Слабый интерес российского государя к моральной стороне дела обескуражил Бернета. «Несмотря на то, что я настаивал на великом значении христианства для улучшения

³⁶ “Until the 16th century then, when Church and State united in England .. as an all-embrassing source of sovereign power, the chief conditions for extending the Invisible Machine [of the state] were lacking” (*Mumford Louis. Utopia, the City and the Machine. P. 20*).

³⁷ “What is the truth exciting men to pursue the end proposed by Deity? Because the end is a reasonable end. And the truth which makes this end, viz., public good or happiness, a reasonable end is that it is best that all should be happy. If anyone asks why it is the best, I would answer ... it is self-evident” (*Burnet G. The Correspondance Between Gilbert Burnet and Francis Hutcheson / ed. Bernard Peach. The Belknap Press of Harward University Press, Cambridge, MA 1971. P. 233*).

³⁸ В письме к доктору Фолу Кракрафт писал: “I has a degree of knowledge I did not think him capable of; he has read the Scriptures carefully” (*Cracraft James. The Church Reform of Peter the Great. P.32*).

³⁹ Одним из традиционных лейтмотивов наставлений («зерцал») для царствующих особ было разъяснение фундаментального отличия христианского короля от деспота. Так, например, в своих двух трактатах, составленных для назидания сыновей короля Карла VI, рано умершего принца Людовика (1397-1415) и его младшего брата, будущего Карла VII (1403-61), знаменитый канцлер Сорбонны Жан Жерсон (1363-1431), учил: «Commoneatur frequenter idem dominus Dalphinus recogitare... quomodo sunt omnes homines tam pauperes quam divites et reges sub eadem conditione nati; et ideo nihil melius hominibus magnis humanitate, clementia et humilitate circa fratres et coaequales sibi in sorte beatitudinis futurae». “Господину Дофину должно часто напоминать ... что все люди, будь они бедные или богатые, и цари рождены одинаково, и поэтому нет ничего лучше для великих мира сего, чем гуманность, великодушие и смирение по отношению к их братьям, равным им перед лицом будущей благодати” (*Claro eruditori (1408-1410) и Erunt omnes docibiles (1417) // Oeuvres complètes de Jean Gerson / Ed. de Palémon Glorieux. Paris etc.: Desclée, 1960-73. T. II, P. 203-215 and 335-338*).

душевных качеств и жизни людей»⁴⁰, объясняя, что морального поведения можно требовать и ожидать только от свободных людей с устойчивыми и внутренне усвоенными этическими нормами, государя в основном интересовал вопрос укрепления и усиления его власти. Общение же с духовником царя, человеком, по словам Бернета, «большой святости», и вовсе привело англичанина в замешательство. В отличие от юного Петра, с готовностью посещавшего службы, как в англиканской церкви, так и у квакеров (которые ему понравились особенно), «старец» ничем не интересовался и старался вовсе не выходить из дому, а в богословских беседах с Бернетом стоял на том, что главная заслуга его религии состоит именно в ее неизменности и верности староотеческой традиции, не видя никакой нужды в каких либо изменениях ни в ней, ни в своем отечестве⁴¹. Пораженный разницей в умонастроениях между царем и его духовником, Бернет, тем не менее, изначально надеялся, что воля Петра возобладает. Более реалистичное понимание ситуации пришло к нему много позже, когда Бернет понял, что интерес Петра к нему и к англиканской церкви был продиктован исключительно желанием государя подчинить себе в будущем Церковь на родине⁴². Впоследствии, узнав о петровских методах построения «парадиза» от англичан, увезенных Петром с собой тогда же на подаренной английским королем яхте и впоследствии рассказавших о дурном, «как с подневольными», с ними обращении, Бернет и вовсе изменил свое отношение к Петру на очень критическое.

Бернета нередко упрекают в неадекватном или предвзятом отношении к Петру как во время их встреч, так и в мемуарах. Неадекватность с обеих сторон в данном случае, была, наверное, неизбежна, ибо Бернет и Петр говорили на разных правовых и культурных языках. От этого их встреча не становится менее важной. Россия заимствовала государственно-правовую систему из Византии, а в ней характер римского права, изначально общего для Запада и Востока Римской империи, изменился. Право перестало быть самостоятельным, а стало инструментом, орудием в распоряжении власти⁴³. Совершенно естественно поэтому, что именно так его даже не понимал, а ощущал Петр. Так же, как из всех работ Бернета русский царь больше всего заинтересовался трактатом *Rights of Princes in the Disposing of Ecclesiastical Benefices and Church-lands* («О правах царственных особ располагать церковными доходами и землями»), из всего того, что он услышал от Бернета, Петр удержал и оценил только то, что было ему нужно и понятно: идею абсолютной монархии как государственной машины. Исконный, платоновский, то есть деспотичный элемент возобладал, а

⁴⁰ “I insisted that the great design of Christianity is in reforming men’s hearts and lives” (*Cracraft James. The Church Reform of Peter the Great. Stanford University Press, 1971. P.33*).

⁴¹ *Cracraft James Cracraft James. The Church Reform of Peter the Great. P. 33.*

⁴² *Ibid. P. 37.*

⁴³ *Бибихин В.В. Введение в философию права. С. 227.*

сдерживающее влияние христианства как этической основы общества и поведения всех, включая монарха, его членов, осталось за скобками. Именно это, то есть морально-религиозный вопрос, имел в виду Бернет, когда впоследствии писал в *Истории Моего Времени*, что «Петр был не намерен менять нравы в Московии»⁴⁴.

Но тогда, в 1698 г., восторженный Бернет будет делиться своими наблюдениями за юным русским царем со своим другом Готфридом Вильгельмом Лейбницем (1646-1716), очень интересовавшимся Петром, а потому наводящим о нем справки. Позже Лейбниц не только лично встречался с Петром в 1711, 1712 и 1716 годах и состоял с ним в многолетней переписке, но и состоял на официальной российской службе, получая от российской казны жалование в две тысячи гульденов в качестве тайного советника юстиции. Увлеченный, так же как Бернет, идеей христианской монархии, но, в отличие от англичанина, без «своего» монарха, Лейбниц нашел в Петре I то, что искал: достойного ученика с неограниченными возможностями. Лейбниц считал, что с помощью Петра он сможет реализовать свой проект общества, также задуманный под влиянием книги Томаса Мора. Смысл проекта Лейбница зиждется на двух основаниях: на убежденности Лейбница в том, что институты можно планомерно насаждать на новой, еще «нераспаханной» почве и что с их помощью можно улучшить общество⁴⁵. Именно такой нераспаханной почвой воображал Лейбниц совершенно неизвестную ему Россию, которую так и называл - *tabula rasa*. В одном из писем Петру Лейбниц даже прибегнет к весьма «петербургскому» сравнению, говоря, что будущий дворец получится прекраснее и гармоничнее, если начать проектировать его с чистого листа и строить на ровном месте, нежели пытаться перестроить и улучшить старое здание⁴⁶. Разочарованный в Европе, великий немец мечтал, как он писал в предисловии к трактату «*Novissima Sinica*» (1697), опробовать свою моральную утопию в России, в которой ему виделся мост к Китаю и всей Азии. Хотя бы уже потому, что Россия для него скорее воображаемая, чем географическая реальность, проект Лейбница можно считать утопическим. Именно к утопиям Нового Времени причисляет концепцию Лейбница и немецкий исследователь истории немецко-российских взаимоотношений Дитер Гро. В фантазиях немецкого философа России суждено было стать лучшей Европой, где может быть достигнута гармония, утерянная Европой реальной, при одном, однако, условии: Россия должна будет приобщиться к европейскому христианству, для которого «способствовать

---

⁴⁴ «He did not seem disposed to mend matters in Muscovy» (*Burnet G. History of My Own Time. V. 2. P. 221-222*).

⁴⁵ Гро Дитер. Россия и самосознание Европы (выдержки на русском языке из книги: *Groh Dieter. Russland und das Selbstverständnis Europas. Luchterhand, Neuwied, 1961, см.: http://www.perspektivy.info/book/rossija_glazami_jevropy_2011-09-28.htm*

⁴⁶ Дитер Гро. Россия и самосознание Европы (http://www.perspektivy.info/book/rossija_glazami_jevropy_2011-09-28.htm).

общественному благополучию и славить Бога есть одно и то же»⁴⁷. Такая формулировка христианства, практически дословно совпадающая с определением Бернета, для Лейбница, опять же, самоочевидна. Но, в отличие от более скептически настроенного англичанина, страстный немец до конца жизни останется под обаянием личности Петра, веря в возможность осуществления в России нового общества, основанного на научных и христианских принципах⁴⁸.

Согласно Лейбницу, для создания наилучшего социального устройства нужны, в точном соответствии с теорией Томаса Мора, представленной им в первой части *Утопии*, совместные усилия двух архетипических персон: христианского философа и царствующей особы, причем последняя, обладая неограниченной властью, должна следовать пророчествам и умозрениям первой, а никак не наоборот. Именно таким видел Лейбниц свое сотрудничество с русским царем. Можно догадаться, что моральная сторона проекта Лейбница имела у Петра не больше успеха, чем нравоучения Бернета. Зато царь живо заинтересовался научно-технической составляющей модели Лейбница, отбросив, как и в случае с Бернетом, сдерживающее моральное влияние христианской этики — то есть саму ось лейбницеvской утопии. Наука и техника, нежеланные, но спасительные, как скажет Черчилль, плоды западной христианской цивилизации, будут отторжены от принесшего их древа, и насильственно пересажены на другой организм, деспотическую сущность которого Петр не только не собирался менять, но даже стремился еще усилить. Для этой цели идея «регулярной» (любимое слово Петра, введенное им в обиход взамен русского слово «постоянный»), иерархически организованной, научно-обоснованной, эстетически прекрасной государственной машины подходила как нельзя лучше. Взяв от Европы только внешнее и готовое: архитектуру, технику, науку, бюрократию, военное дело, и применив к своей стране принципы государственной машины, «Петр превратил Россию в полицейское государство с культом милитаризма и военной силы»⁴⁹.

Без христианской морали и гражданского права, в которых заключается фундаментальное отличие утопических моделей Нового Времени Томаса Мора и Готфрида Лейбница от модели Платона, петровская утопия оказывается по сути куда ближе к первоисточнику, то есть древнеазиатской деспотии. Суть эта, однако, должна

---

⁴⁷ *Leibnitz G.W.* Theodicy, Essays on the Goodness of God, the Freedom of Man and the Origin of Evil / trans. Huggard. Illinois: Open Court, 1985. Preface. P. 5 (“to contribute to the public good and to the glory of God is the same thing”). См. также: *Riley Patrick.* Leibniz' Universal Jurisprudence: Justice As the Charity of the Wise. Harvard University Press, 1996.

⁴⁸ *Roinila Markku.* G.W. Leibniz and Scientific Societies // *Journal of Technology Management.* 2009. 46. P. 165-179.

⁴⁹ “Peter transformed Russia into a regulated police state extolling a cult of militarism and military force” (*Anisimov Evgenij.* The Reforms of Peter the Great: Progress through Coercion in Russia. London: M.E. Sharpe, 1993. P. VIII).

была, в случае Петербурга, выразиться новым, как можно более совершенным, но географически, хронологически и культурно чужим художественным языком. Языком Европы. Именно так, то есть эстетически, воплотилось пожелание Лейбница о России как “лучшей Европе.” Основанный на получении уже готовой технической информации, заимствованной социальной модели и кибернетической игре с природной средой, Петербург как нельзя лучше подходит под определение вторичной утопии или *simulatio simulacra* (Baudrillard), так как уже сам петровский замысел заключается в сознательном желании создать симулякр европейского города. Симулякр — не вульгарная копия, а некая творческая гиперреальность, когда скопированные и вырванные из чужого контекста и чужой истории элементы создают некоторое оригинальное целое. По как будто нарочно о Петербурге сказанному определению Ж.Бодрийара, симулякр - это знак, не имеющий означаемого объекта в реальности, подобно карте, предвосхищающей и порождающей изображенную на ней местность. Лишенный собственной истории, Петербург стремился аккумулировать историю чужую, и в стремлении этом, в самой своей избыточности, когда всего — статуй чужих богов, мрамора, золота, метафор и символов — перебор, действительно выглядит как бы даже «европее», по Лейбницу, лучше оригиналов, то есть Венеции, Рима или Амстердама, с которыми его принято сравнивать, и отдельные элементы которых присутствуют в нем как в симулякре⁵⁰. Само название «Санкт Петербург» уже является симулякром (и не «санкт», и не «бург»), и в этом городе вполне соответствует. Как сказал Дмитрий Мережковский, “В Китеже-граде то, что есть, – невидимо, а здесь, в Петербурге, наоборот, *видимо то, чего нет*”⁵¹. Видима в Петербурге западноевропейская архитектура, а нет в нем именно того, что эта архитектура выражает, то есть самого европейского города. Ведь бург — это городское поселение, органически развившееся на реке или торговом пути, жители которого — бюргеры (*burg-bürger*), или, что то же самое по-французски, буржуа (*bourg-bourgeois*) — являются, если город стал коммуной, свободными гражданами, участвующими в градоуправлении и принимающими участие в решении вопросов о налогообложении, образовании, дорогах, выборных должностях и т.д. Свобода, независимость и самоуправление в коммунах являются основными критериями бурга. У города такого типа духа неволи быть не может, и холопов в нем нет. Есть, конечно, городская беднота, низы, как говорили в средние века - *merdaille*, но они ничьи, или, как определяют свою бездомность Чебурашка и его плагиатор, Кот Матроскин, “свои собственные.”

Лейбниц не ошибся в своем выборе *tabula rasa*. В XVIII в. Россия оказалось той единственной географически близкой к Европе страной, где владыка, как Бог в книге

⁵⁰ Интересно, что все эти города были, на разных промежутках своей истории пусть и очень разными, но все же республиками.

⁵¹ Мережковский Д.С. Петр и Алексей. М., 1992. С. 214.

Бытия, сказал, значит, сделал. Свободный от сомнений европейских утопистов, терзавшихся дистанцией между идеалом и воплощением, теорией и практикой, словом и делом, Петр довел *simulatio simulacra*, целью которого, согласно Бодрийару, всегда является как раз тотальный контроль,⁵² до максимальной степени совершенства. Нигде, по крайней мере, в новое время, могущество государственной машины не запечатлено в камне так соблазнительно и совершенно, как в Петербурге, вполне справившемся со своей задачей европейского фасада России. Так же, как красота и гармония целого могут заставить забыть бесчеловечную природу древнеазиатского города, увековеченную Платоном, так же, как, по выражению Мамфорда, поклонники Платона предпочитают не замечать тот факт, что его идеальное государство содержит элементы, поразительно напоминающие тоталитарный советский строй, петербургская симфония в камне одинаково ослепляет поклонников, критиков, жителей и посетителей города на Неве.

Есть, однако, в Петербурге, существа, гармонично и всецело соответствующие городу, где абсолютная власть выразила себя абсолютно. Это сфинксы, когда-то стоявшие у входа в величественный храм, сооруженный в Египте около Фив для фараона Аменхотепа III. Им 3,5 тысячи лет, и их головы являются портретными изображениями этого фараона. Интересно, что в свое время Париж весьма символично упустил будущих петербургских сфинксов из-за французской буржуазной революции 1830 г., помешавшей их запланированной покупке. Очередное возмущение свободных горожан помешало поселиться в Париже символам абсолютной власти и неподвижности (египетский обелиск французам, как известно, подарили). В Петербурге же они как раз на месте. Именно в них, возможно, нашла адекватное выражение его тайна, его дух, его генетический код, его программа древней и совершенной государственной машины, которой прекрасный город на Неве служил и служит носителем и воплощением. Программа города-людоеда, которому уже сколько раз приносились обильные и восторженные жертвы.

За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.
Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,

---

⁵² “*Simulatio simulacra*: based on information, the model, cybernetic play. Their aim is maximum operability, hyperreality, total control. *a*: based on information, the model, cybernetic play. Their aim is maximum operability, hyperreality, total control” (*Baudrillard Jean*. *Simulacra and Science Fiction*. <http://www.depauw.edu/sfs/backissues/55/ baudrillard55art.htm>).

Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

А. Ахматова